

УДК 347.1

**РЕГУЛЯТОРЫ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ:
СУЩНОСТЬ ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ****М.Ю. Чельшев****Аннотация**

В статье, продолжающей авторское исследование регуляторов, применяемых в гражданско-правовой сфере, анализируются понятие и современная система указанных регуляторов. Обосновано, что термин *гражданско-правовой регулятор* является частью терминологического аппарата отечественной цивилистической науки. Показана ценность научного анализа системы гражданско-правовых регуляторов, охарактеризована тенденция развития этой системы в условиях реформы гражданского законодательства – её расширение за счёт включения в неё новых элементов.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовые системы, гражданско-правовой регулятор, система гражданско-правовых регуляторов.

Из отечественной правовой науки хорошо известно, что право представляет собой системное явление. Это утверждение, естественно, касается и гражданско-правовой отрасли как части системы отечественного права. При этом системность названной отрасли проявляется практически во всех аспектах её статики и динамики. Например, она отчетливо выражена в системе гражданского законодательства, его строении, в системе договоров, закреплённых в гражданском праве, в систематике недействительности сделок и т. п. По существу, можно утверждать, что гражданское право, область его действия – это системная сфера, то есть совокупность различных взаимосвязанных в том или ином отношении систем гражданско-правового свойства. Поэтому познание указанной сферы представляет собой в конечном счёте процесс изучения всех таких систем и взаимосвязей между ними. В этом контексте полагаем, что весьма эффективным научным инструментом рассмотрения цивилистических явлений будет выступать общая теория систем.

Отмеченное познание происходит в том числе и с помощью специального терминологического аппарата, обозначающего те или другие правовые явления. К терминам гражданско-правовой науки сегодня относится и термин *регулятор*. Вместе с тем стоит заметить, что в цивилистической науке названная категория используется не столь часто.

Какие же подходы применяются на текущий момент к раскрытию содержания самого термина *регулятор*? Стоит обратить внимание на то, что он используется в различных значениях. Так, во-первых, как регулятор (один из его

видов) в учебной литературе по теории права (например, в [1]) характеризуется право в целом.

Во-вторых, этот термин обозначает специальных субъектов, которые в силу закона выполняют те или иные регулирующие функции в экономической сфере, то есть вправе регламентировать экономические отношения. Например, регулятором именуется Центральный банк Российской Федерации, который в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (I) устанавливает, в частности, правила осуществления расчетов в Российской Федерации, правила проведения банковских операций.

В-третьих, как о регуляторах, применяемых в праве, говорят о правовых средствах [2]. Это инструменты, при помощи которых осуществляется правовое регулирование. Они содержат разного уровня (разной правовой силы) правовые предписания, которым должны подчиняться соответствующие субъекты. Таким образом, в широком смысле регуляторы в правовой сфере – это и определённые субъекты с регулирующими функциями, и отмеченные правовые средства.

В чём же состоит ценность применения для изучения области действия гражданского права используемой в доктрине категории *правовой регулятор* или *регулятор в праве*? Прежде всего в том, что посредством неё можно точно установить весь круг гражданско-правовых предписаний, применимых к конкретным жизненным ситуациям. Причём такие предписания не ограничиваются только теми, которые устанавливаются в традиционных источниках гражданского права – гражданском законодательстве и т. п.

Наряду с этим использование данных терминов позволяет обратить внимание на существование определённых взаимосвязей (взаимозависимостей) между гражданско-правовыми системами. В частности, это функциональные взаимосвязи между системой источников гражданского права и закреплённой в нём системой договоров. Отсюда можно заключить, что в гражданско-правовой доктрине в научно-практических целях целесообразно использовать термины *правовой регулятор в гражданско-правовой сфере* и *гражданско-правовой регулятор*.

Следует также отметить, что изучение гражданско-правовых регуляторов должно производиться с учётом нынешней реформы гражданского законодательства, осуществляемой на базе Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция) (II). Изучая на этой основе гражданско-правовые регуляторы, можно выявить некоторые направления развития цивилистической сферы.

Текущее состояние отечественного гражданского права позволяет выделить целый ряд тенденций в области действия этой правовой отрасли. Это и совершенствование системы правовых средств борьбы со злоупотреблениями в гражданском обороте (формальное введение в гражданское законодательство принципа добросовестности, появление нового термина *обход закона с противоправной целью* и т. д.), и углубление степени дифференциации гражданско-правового регулирования отношений с участием субъектов предпринимательской деятельности, и некоторые другие. Одной из тенденций, явно обозначившихся в ходе

современной реформы гражданского законодательства, является увеличение числа правовых регуляторов в гражданско-правовой сфере. К таким регуляторам строго формально сегодня относятся: 1) нормативные правовые акты, включая и гражданское законодательство; 2) правовые позиции высших судебных инстанций и судебная практика по конкретным делам; 3) обычаи; 4) решения собраний; 5) гражданско-правовые договоры.

Как видно, общей чертой всех рассматриваемых правовых явлений выступает то, что гражданско-правовые регуляторы содержат (могут содержать) предписания гражданско-правового характера, которые являются обязательными для соответствующих субъектов. В подобном аспекте все они выступают в роли регуляторов, определяющих поведение субъектов (адресатов предписаний). Таким образом, у них имеется общий функциональный признак. У данных регуляторов есть и другая общая черта – это двойственность их правовой природы. Все эти регуляторы, с одной стороны, выполняют присущую им регулирующую функцию, а с другой стороны, они выступают правовыми средствами (юридическими инструментами) названного регулирования.

Думается, что категория *гражданско-правовой регулятор* весьма важна для познания гражданско-правовой сферы, то есть области гражданско-правового регулирования. При этом указанное значение вытекает из отмеченного функционального признака и сопоставления категорий *«гражданско-правовой регулятор и источник гражданского права»*. Стоит подчеркнуть, что приём подобного сравнения иногда используется в учебной литературе по гражданскому праву при раскрытии темы «Источники гражданского права». Например, в главе 2 учебника под редакцией А.П. Сергеева есть параграф 2 «Гражданское законодательство и ненормативные (частные) регуляторы гражданских отношений» [3].

Представляется совершенно очевидным, что не все регуляторы либо не во всех случаях выступают в роли источников собственно гражданско-правовых норм. Скажем, хорошо известно, что к источникам гражданского права не относится (но является регулятором) договор. Так же следует оценить и решения собраний.

По сути дела, не всегда являются источниками гражданского права правовые позиции высших судебных инстанций. Вернее, тут нужно сформулировать так: для нижестоящих судов это всегда источник предписаний, но не всегда там содержится новая норма гражданского права. Таким образом, получается, что гражданско-правовой регулятор – это всегда источник гражданско-правовых предписаний, но не всегда это, строго говоря, именно нормы гражданского права. Отсюда следует и вывод, что среди гражданско-правовых предписаний нужно выделять нормы гражданского права и индивидуальные гражданско-правовые предписания. Последние затрагивают сферу действия одного или, что чаще, нескольких строго конкретных субъектов гражданских правоотношений. Приведённые рассуждения показывают и целесообразность разработки на новом уровне современного учения об источниках гражданского права, в том числе в контексте соотношения этих источников с иными правовыми явлениями.

Заметим, что ценность выделения категории *гражданско-правовой регулятор* состоит ещё в том, что с её помощью отчасти сглаживается активно обсуждаемая

сейчас проблема о нормативном значении судебной практики, её прецедентной роли. Получается, что если правовые позиции высших судебных инстанций выступают (могут выступать) как один из гражданско-правовых регуляторов, то и, следовательно, правовая природа у них в соответствующих случаях такова, как у обязательных гражданско-правовых предписаний. Что касается судебной практики по конкретным делам в области действия гражданского права, то и она относится к числу гражданско-правовых регуляторов. Правда, чаще она является источником индивидуальных правовых предписаний и, соответственно, реже – подобных предписаний общего характера.

Наряду с этим следует обратить внимание и на то, что множественность гражданско-правовых регуляторов сама по себе свидетельствует о частноправовой специфике гражданско-правовой сферы. По этому признаку последнюю можно отграничивать от области действия публичного права, где состав правовых регуляторов несколько иной. Безусловно, это касается прежде всего обычаев и договоров.

Конечно, как и любое иное системное образование, система гражданско-правовых регуляторов построена по принципу единства и дифференциации. Соответственно, нужно заключить, что у анализируемых правовых регуляторов есть и отличия. В первую очередь это степень индивидуализации адресатов тех или иных предписаний, определяемая в рамках приведённого выше перечня по схеме «от неопределённого круга лиц к конкретным субъектам». Другим отличием выступает лицо (лица), которое (которые) вправе принимать (санкционировать) соответствующие предписания. Безусловно, можно отыскать и иные дифференцирующие признаки – механизм функционирования и т. п.

Однако при всей существующей ныне полноте перечня гражданско-правовых регуляторов, к сожалению, законодатель практически пока «не видит» ещё один правовой регулятор (отметим, что он «не видит» этот регулятор именно в качестве общего правила, а отдельные, специальные правила о нём имеются). Речь идёт, говоря трудо-правовой терминологией, используемой в Трудовом кодексе РФ (III), о локальных актах, содержащих нормы гражданского права.

С позиции Гражданского кодекса РФ (IV) такие акты строго формально, в общем виде пока ещё не относятся к числу источников гражданско-правовой отрасли, к числу гражданско-правовых регуляторов. В то же время само гражданское законодательство в ряде случаев указывает на возможность и даже необходимость локальной регламентации. Например, в ст. 943 ГК РФ установлена возможность определения условий договора страхования в правилах страхования, которые нужно оценить как своего рода разновидность локальных нормативных актов. Нужно также заметить, что в Концепции и затем в Проекте федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (V) довольно чётко прослеживается тенденция признания определённой степени нормативного значения актов различных гражданско-правовых сообществ (см., например, предлагаемую Проектом ст. 181.1 о решениях собраний). Иными словами, проектируемые изменения законодательства явно указывают на обозначенное выше увеличение числа гражданско-правовых регуляторов. Думается, что в перспективе

это приведёт к нормативному признанию локальных актов в качестве одного из таких регуляторов [4] и в ГК РФ появятся общие нормы об этом уровне регулирования.

Несмотря на существование целого ряда подобных отдельных случаев закрепления локального регулирования в действующем гражданском законодательстве, в правовой науке ещё не проведено комплексное исследование локального нормативного регулирования с учётом всех его отраслевых проявлений. Тем не менее на сегодняшний день имеется насущная потребность в формировании общего межотраслевого учения об указанном правовом явлении, причём такого, которое было бы обогащено данными различных отраслевых наук. В частности, из обозначенной ст. 943 ГК РФ в общую теорию локального нормативного регулирования можно включить в качестве общего положение о приоритете договора над локальными правилами – о возможности по соглашению сторон изменять или отменять правила локальных актов.

Естественно, есть и необходимость в выработке детального цивилистического учения о локальном нормативном регулировании. В данном случае одной из центральных выступает проблема о соотношении локальных нормативных актов и гражданско-правового договора, локального и договорного регулирования. С одной стороны, локальный нормативный акт отличается от договора по ряду параметров – механизму принятия (для договора – заключения), кругу лиц, на отношения с участием которых он распространяется, и прочее. С другой стороны, применяемые локальные предписания на конкретном правореализационном участке становятся, по существу, условиями соответствующего гражданско-правового договора.

Здесь существует и проблема качества локального и договорного уровней регулирования, тесно связанная с их пределами (границами). Она становится тем более актуальной, что сейчас всё более и более остро стоит проблема так называемого «нормативного спама». Суть её заключается в том, что принимается значительное число нормативных правовых актов разного уровня, которые «страдают» дефектами юридической техники, терминологического аппарата, наличием разного рода коллизий и др. Иными словами, появляется довольно много нормативных правовых актов, которые в принципе не могут быть эффективными регуляторами соответствующих отношений и которые в силу этого просто не нужны. Поэтому в условиях возможного «вала» актов локального регулирования в гражданско-правовой сфере становится очевидной необходимость выработки общих требований к содержанию названных актов.

В заключение отметим, что реформа гражданского законодательства показывает существование в гражданско-правовой сфере явлений, которые по своему значению близки к гражданско-правовым регуляторам. Сегодня можно с уверенностью говорить о нормативном значении самой Концепции. С одной стороны, не все её положения будут воплощены в законодательстве. Наверное, это судьба всех подобных концепций. С другой стороны, в практику судов общей юрисдикции по делам о защите прав потребителей (и в первую очередь арбитражных судов) уже довольно прочно входят отдельные её положения, несмотря на то что они ещё не вошли в закон. Яркий тому пример – новеллы судебной

практики по ст. 333 ГК РФ, посвящённой проблематике уменьшения размера неустойки (VI, VII). Для целей практического толкования и выработки, по сути дела, новых правовых предписаний указанную Концепцию можно применять в юридической практике и в иных ситуациях.

Summary

M.Yu. Chelyshev. Regulators in Civil Law: The Essence of the Legal Phenomenon.

In this article we continue the study of regulators applied in the sphere of civil law and analyze the concept and the modern system of these regulators. We prove that the term *civil law regulator* is a part of the terminology of Russian civil jurisprudence. We demonstrate the value of scientific analysis of civil regulatory system and characterize the development trends of this system in the context of the reforms of civil legislation, i.e., its expansion on account of inclusion of new elements.

Keywords: civil law, civil law systems, civil law regulator, civil regulatory system.

Источники

- I – Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
- II – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (Вестн. ВАС РФ). – 2009. – № 11.
- III – Трудовой кодекс Российской Федерации с изм. и доп. // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.
- IV – Гражданский кодекс Российской Федерации: в 4 ч. с изм. и доп. // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410; 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2006. – № 2 (часть I). – Ст. 5496.
- V – Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части 1, 2, 3, 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. – 2012. – № 53. – Ст. 7627.
- VI – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 дек. 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестн. ВАС РФ. – 2012. – № 2.
- VII – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 9.

Литература

1. Власенко Н.А. Теория государства и права. – М.: Проспект, 2011. – 413 с.
2. Чельшев М.Ю. Виды регуляторов в гражданско-правовой сфере // Роль частного права в модернизации российской экономики: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 23 апр. 2013 г.) / Отв. ред. Е.М. Тужилова-Орданская. – Уфа: РИЦБашГУ, 2013. – С. 72–75.
3. Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н., Байгушева Ю.В., Бычкова Е.Н., Грачёв В.В., Сергеев А.П. Гражданское право: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Велби; РГ-Пресс, 2010. – Т. I. – 1006 с.

-
4. *Чельшев М.Ю.* О локально-корпоративном регулировании в сфере профессионального спорта // Спортивное право. – 2013. – № 1. – С. 19–24.

Поступила в редакцию
29.03.13

Чельшев Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.